

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2022.1.5

Культурология: специфика становления и поиски методологии

А. В. КОСТИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Автор рассматривает основные этапы становления культурологии как науки, выделяя те особенности этой науки, которые являются атрибутивными именно ей; анализирует то специфическое, что отличает культурологию от наук, родственных ей и генетически с ней связанных; выявляет то особенное, что выделяет науку о культуре от всех иных наук. В статье культурология представлена как наука, не просто изучающая культуру, но обладающая собственным, достаточно специфичным инструментарием, наиболее значимыми воплощениями которого являются методологии культурного моделирования и выявления факторов культурной динамики. Автор рассматривает культурологию как науку, соответствующую постклассической эпистемологии, что определяет и ее предмет исследования, и инструментарий; прослеживает историю этой науки от неокантианцев и философии жизни — до советских исследований 60–80-х гг. XX в.

Ключевые слова: культура; культурология; постклассическая методология; неокантианство; философия жизни; социокультурное моделирование

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 1993 г., когда появился первый образовательный стандарт по культурологии, а сама она стала рассматриваться и как учебная дисциплина, и как наука, споры о культурологии — о ее самостоятельности или вторичности, ее искусственности или закономерном характере появления, о ее гносеологических возможностях — не стихают, но являются не столь острыми, как это было почти три десятилетия назад. Конечно сейчас, в 2022 г., культурология «обросла» вполне престижными коннотациями, позволяющими заниматься научным поиском в ее границах самым именитым авторам. И те, кто ранее иронизировал по поводу культурологии, сегодня причисляют себя к культурологам, осознавая значимость и престижность этой области знания.

В чем причина такого поворота?

Прежде всего, в том, что культурология — это наука, появление которой было обусловлено внутренними закономерностями развития научного знания. Она ни в коем случае не стала «искусственным образованием», заполнившим вакуум, образовавшийся вследствие изъятия в 1990-е гг. из комплекса дисциплин в рамках вузовских образовательных программ экономического и социально-политического

марксистского комплекса. Здесь можно поддержать авторов, которые отмечают, что путь становления культурологии был гораздо более сложным, чем простое преобразование кафедр, связанных с историческим материализмом и научным коммунизмом (Теоретическая культурология, 2005: 17–28). Хотя отметим, что марксизм выступал в высшем образовании не столько идеологической доктриной, сколько мировоззренческим фундаментом, основной методологией познания мира, которая обеспечивала и развитие советской науки, и формирование достаточно целостной и непротиворечивой картины мира у всех овладевших этой методологией, и его изъятие действительно создало определенный системный сбой, ликвидация которого была сложной, а последствия — ощутимыми в отдельных сферах вплоть до настоящего времени.

Нужно иметь в виду, что появление науки «в отдельно взятой стране» всегда является фактом, вызывающим скепсис. А культурология, действительно, не имеет прямых аналогов в принятых за рубежом классификациях наук, где в качестве наук о культуре выступают социология и новая культурная история, социальная и культурная антропология, структурная антропология и семиотика, обладающие социально-этнографическим содержанием, или *culture studies*, объектом исследования которых также является культура, но которые тем не менее отнюдь не являются аналогом культурологии (Флиер, 1998).

СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Появление культурологии было достаточно долгим и совсем не гладким — первые труды по теории культуры появились в 1960–1970-е гг., что обычно связывается с гуманизацией советской философии в контексте «оттепели». Именно в это время появились многочисленные труды авторов, впоследствии ставших авторитетами в области культурологии, — А. И. Арнольдова, Э. А. Баллера, Л. М. Баткина, В. С. Библера, А. Я. Гуревича, С. Н. Иконниковой, Э. В. Ильенкова, Н. С. Злобина, Б. С. Ерасова, М. С. Кагана, Г. С. Кнабе, Ю. М. Лотмана, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, М. Б. Туровского и многих других. Именно в это время появились самые различные концепции культуры — адаптационная, семиотическая, социологическая, историческая и т. п. Появились знаковые труды по теории и истории культуры, а также первые сборники (Коммунизм и культура, 1966) и учебники (Основы марксистско-ленинской теории культуры, 1976). В Институте философии АН СССР в 1965 г. был сформирован сектор философских проблем культуры, аналогичная структура — в Академии наук Армении. В 1962 г. в Московском государственном институте культуры была открыта первая в СССР кафедра истории и теории культуры. Таким образом, культурология была актуальной и одной из наиболее свободных — в плане методологии и возможности обращения к западной научной литературе — наук. И многие выдающиеся философы и ученые этого времени обратились именно к этой области знания — как способной решать проблемы, связанные с функционированием общества и человека, и одновременно как наименее идеологизированной.

Важно, что уже в это время наметился совершенно явный подход, который был и продуктивным, и верным по существу — он состоял в достаточно определенной сегрегации всех исследований по культуре на две группы.

Первые — культуроведческие исследования, к ним можно отнести археологию, этнографию, антропологию, прикладную социологию культуры. «Несомненно,

археология и этнография как области исторического знания, опираясь на марксистскую методологию, создают культуроведческие концепции применительно к особенностям своих объектов исследования. То же можно сказать о прикладной социологии, антропологии и т. д.», — писали В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов (Давидович, Жданов, 1979: 20–21).

Вторые исследования — культурфилософские, отличием которых стало принципиально не «суммативное» понимание культуры, где материальные и духовные ценности рассматриваются в теоретическом и философском плане. При таком подходе культура выступает прежде всего как функциональная и адаптационная система, направленная на формирование способов не только выживания человека в мире, но и его становления как человека путем его информационной и символической организации, как степень материализации картины мира, представлений о нем, ценностей и ориентиров, как «опредмеченная» сфера идеального, демонстрирующая качество этого идеального, как такая специфическая функция социальной системы, которая обеспечивает наполнение истории личностным содержанием. В контексте такого понимания культура выступает как регулирующая система, удерживающая человека в достаточно жестких рамках, которые он все время стремится раздвинуть и преодолеть при помощи способов, формируемых все той же культурой. Смыслом же человеческого существования становится «либо усвоение границ культуры и принятие их как данности, либо стремление выйти за эти границы и сформировать новые пространства — то есть настроенность жить, согласно закону традиции или противясь этому закону посредством свободного творчества» (Костина, 2009: 7–8). Об этом же фактически говорил В. М. Межуев (Межуев, 2012), показавший, что культура выступает не только как наиболее эффективный способ поддержания общества, но и как само условие существования общества и человека как существа, отличного от всех иных существ.

Таким образом, уже в момент возникновения культурологии в рамках советской науки дискуссии о ее специфике и о ее методологии были достаточно жесткими и принципиальными. И главное — все эти дискуссии еще раз показывают, что культурология не является искусственным конструктом, призванным заменить идеологию и мировоззрение обобщенным «знанием о культуре». Ее появление было обусловлено формированием новой эпистемологической ситуации, которая показала исчерпанность или недостаточность прежней методологии.

Уже тогда, в 1960–1980-е гг., шла борьба за культурологию как науку теоретическую и философскую, как науку, появление которой не было сконструировано «наборным способом» — путем объединения тех составляющих наук, которые включали в себя среди прочего и изучение особенностей развития культуры — истории культуры, социологии культуры, философии культуры, культурной антропологии, искусствоведения, литературоведения и т. п. То есть, конечно, культурология по своей сути интегративна, и она обращается к научным наработкам всех перечисленных наук, а также экономики, политики, психологии и даже естественных наук — в необходимых для себя пределах, — но только для того, чтобы результаты их исследований обобщить на новом уровне, позволяющем фиксировать общие закономерности развития человека и общества.

Однако в 1980–1990-е гг. в обществе определенно проявился целый спектр проблем, для осмысления которых инструментарий уже сложившийся даже в рамках культуроведческих исследований оказывался недостаточным. Среди таких новых

тенденций, отмеченных в программном документе «Политика в области образования для демократического гражданства и социального единства. Проблемы и стратегии Европы», рассмотренном в марте 2000 г. на заседании европейских министров образования, — усилившееся многообразие общества; глобализация и интернационализация; влияние новых технологий; серьезные изменения в сфере труда и необходимость приобретения профессиональных навыков в течение всей жизни; обострение экологических проблем (Ильинский, 2005: 36).

Именно на эти изменения наблюдалась активная реакция со стороны культурологии, в качестве своего предметного поля определившей изучение закономерностей развития культуры как сверхсложной системы — ее содержания, структуры и функций; раскрытие динамики и технологий ее функционирования, транслирования и интерпретации; прояснение смысла понятий «диалог культур», «взаимодействия культур», «культурный кризис», «тип культуры», «массовая культура», «элитарная культура», «динамика культуры», «культурный регресс», «культурная политика» и многих других; изучение генезиса и процесса взаимодействия культуры и цивилизации; поиск общего и особенного в исторических судьбах различных культур; выявление смыслов каждого исторически сложившегося типа культуры, специфических особенностей и базовых ценностей русской культуры (Шендрик, 2002).

НАУКА О КУЛЬТУРЕ

КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Таким образом, культурология как наука сформировалась не в 1990-е гг., а гораздо ранее — когда стал ощутимым дефицит прежней эпистемологии. Но становление культурологии уходит своими корнями в еще более раннее время — в тот период, когда сложилась новая научная и философская парадигма в виде постклассической методологии. Можно говорить о том, что культурология стала той наукой, которая смогла интегрировать подход и просвещенческий, основанный на универсализации, и романтический, индивидуализирующий. Или — если размышлять в рамках парадигмы, обоснованной М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьевым и В. С. Швыревым (Мамардашвили, Соловьев, Швырев, 1972: 28–94), — классический, основанный на рационализме, и постклассический, впервые поставивший под сомнение именно рационализм как метод познания. Фактически культурология стала той наукой, которая смогла выработать принципиально новую методологию познания, обладающую одновременно и необходимой строгостью и допускающей в качестве доказательной базы специфическое, то, что не может быть охвачено законами «больших чисел».

И впервые необходимость такой методологии была доказана вовсе не в постперестроечное время, а столетием ранее — в 70–80-е гг. XIX в. представителями немецкой философской школы — неокантианцами. Главным открытием представителей сначала Марбургской, затем Баденской философской школы стало доказательство того, что культура — это не только то, что именуется наследием и воплощено в материальных памятниках культуры, но прежде всего то, что лежит поверх этих материальных артефактов и раскрывает сам их смысл и замысел. Иными словами, культура — это те значения, которыми люди наделяют различные явления природной и социальной жизни, и те ценности, которые через символы воплощаются уже в материальных объектах или духовных (литература, искусство,

религия) феноменах. Неокантианцы, прежде всего в лице В. Виндельбанда, доказали, что все науки разделяются на номотетические, опирающиеся на законы и количественные методы исчисления, и идеографические, изучающие явления в их уникальности и неповторимости, а потому требующие качественных методов, способных отразить единичное, а не множественное. Первые — науки о природе, вторые — науки о культуре. Позже Г. Риккерт развил эти положения, показав, что основная методология наук о культуре связана с отнесением к ценностям. И ценности являются таким же определенным маркером, позволяющим осуществлять процедуры сопоставления с ними как с неким эталоном, как фундаментальные физические постоянные, описывающие законы природы и свойства материи.

Эта способность культурных миров выражать собственную специфику через идеальные понятия привела к определенному недоверию к науке о культуре, где, как казалось, строгая истина, выражаемая через то, что может быть проверено посредством вычислений, заменена на субъективность и зависит от частного мнения отдельных людей. До сих пор методы «отнесения к ценностям» (неокантианство) и «постижения жизни жизнью» (философия жизни) рассматриваются отдельными исследователями как проявление «вкусовщины». Однако уже Виндельбанд и Риккерт жестко различали процедуры «отнесения к ценностям» и «оценки», показывая, что ценности — это то, что «взлелеяно» (Риккерт, 1998а; Риккерт, 1998b: 14–42; Риккерт, 1998с: 365–391; Риккерт, 1997: 5) всей социокультурной общностью, по крайней мере, максимально большим числом ее представителей, а оценка — это процедура индивидуальная и, действительно, субъективная.

Таким образом, стремление науки отразить процессы специфические, не поддающиеся генерализации, стало первым шагом по направлению к формированию культурологии. Фактически культурология стала первой наукой, доказавшей возможность развития таких сложных систем, как локальные культуры, по их собственному, уникальному лекалу. В то же время эта индивидуализация выявляется культурологией, в отличие, скажем, от психологии, не в масштабах индивидуальности, а в масштабах сообщества, где это индивидуальное становится всеобщим — но только в рамках этой системы.

Есть еще один важный момент, который нашел отражение в новой научной парадигме, — это переосмысление в рамках постклассического знания истории. Фактически науки о культуре смогли зафиксировать новое видение истории, которая стала рассматриваться как процесс не однонаправленный, развивающийся в соответствии с законами эволюции и классического детерминизма, а гетерогенный, к которому понятие прогресса не применимо в принципе. Методологическим основанием подобного подхода является признание того, что «социокультурный процесс является многолинейным и гетерогенным, связанным с особенностями развития каждой из этих систем, что нашло отражение в концепте “дифференциальной эволюции”» (Орлова, 1994: 136). Это стало основой концепций локальных цивилизаций, представленных Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, П. Сорокиным, А. Тойнби и раскрывающих особенности развития уникальных культур, воплощающих свое уникальное содержание каждый раз в новых формах, к которым понятие универсальности не применимо.

Важным шагом к построению системного знания о культуре стало доверие к новым способам постижения социокультурной реальности, основанным на интуитивном ее прочтении. На основе абсолютно не научных (с точки зрения классиче-

ской науки) методов «вживания» и «вчувствования» построил свою концепцию О. Шпенглер. Он показал, что каждая культура есть живой организм со своей собственной, т. е. особой, «душой» и развивающийся по собственным законам, сопоставимым с законами развития любого живого существа, обладающего специфическими признаками. Вместе с тем эти специфические признаки вписываются в систему признаков родовых и видовых, определяемых иерархией таксонов. Так, «Фаустовская» культура от «Аполлонической» или «Магической» отличается всем своим содержанием — его Шпенглер рассматривает как определяемое «судьбой». Но одновременно у этих культур есть и существенное сходство — способность реализовать заложенную в них потенцию развития и прохождения через стадии зарождения, роста, зрелости (эквивалентной цивилизационному состоянию), угасания, стагнации в границах примерно единого по времени тысячелетнего цикла. Сочетание этого особенного и универсального и есть закон развития культурных систем.

Конечно, сразу отметим, что алгоритм реализации этих методов достаточно сложен, а полнота постижения культуры определяется лишь степенью проникновения в ее духовное содержание. Позже, в работах советских исследователей, прежде всего А. Я. Гуревича и Г. С. Кнабе, один из подобных алгоритмов будет представлен и применен на практике. Это анализ культуры с точки зрения категорий культуры, выступающих в качестве установок, определяющих восприятие людьми реальности. В числе таких универсалий — хронотоп (пространство и время), причинность событий, судьба, добро, свобода, совесть и т. п. Построение даже простого описания культуры в рамках данной матрицы дает безусловно оригинальные результаты, раскрывающие ее глубинные смыслы.

Есть много и иных концепций, представляющих особые способы проникновения в самую суть культуры, рожденные многочисленными подходами к исследованию культуры в рамках культурологии.

Все сказанное свидетельствует о том, что культурологическое знание есть знание постклассическое по своей сути и своему генезису. В связи с этим специфичен не только и не столько объект культурологии как науки о культуре, сколько ее метод. Выше было отмечено своеобразие методологии культурологии, определенное постклассическим разворотом в исследованиях и связанное с методами «вживания» и «отнесения к ценностям».

Но это — скорее в рамках именно методологии.

Если же говорить о тех методах, которые стали характерными для культурологического знания, они столь же специфичны.

Для культурологии как науки, включающей значительный теоретический арсенал познавательных средств, не характерна описательность. Конечно, дескриптивность в ее исследованиях так или иначе присутствует, но не она составляет ее основу. Для культурологии имманентно то, что именуется культурным моделированием. Этот метод применяется сегодня очень широко, он стал настолько популярным, что практически каждая пятая защищаемая диссертация по теории и истории культуры претендует на построение какой-либо модели. Понятие «модель» имеет латинское происхождение (от *modulus*) и означает меру, образец, стандарт. Моделирование является одной из ведущих категорий теории познания и как метод заключает в себе множество возможностей. Он позволяет заместить реальность ее моделью, становящейся ее «представителем» (Уемов, 1971: 131). Метод

моделирования основан на абстрактном представлении реальности в какой-либо форме (математической, физической, символической, графической), он позволяет получить «новую информацию об этом объекте» (Штофф, 1992: 19) и особым образом систематизировать формы, способы, назначение, средства социокультурной деятельности.

Изучение объектов на их моделях хотя и опирается на схемы, лишенные глубины и многоаспектности подлинной реальности, но все же именно такая схематизация позволяет выделить основные особенности изучаемых объектов и прогнозировать их поведение в предложенных обстоятельствах. Именно поэтому моделирование применяется в самых разных науках и о природе, и о культуре — в математике, физике, кибернетике, биологии, педагогике, статистике, экономике и т. д. Одной из основных особенностей моделирования является то, что исследователь работает с идеальными объектами и процессами, связь которых с реальностью осуществляется на основе как законов, так и гипотез.

МЕТОД КУЛЬТУРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ДЛЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Моделирование в границах различных наук различается самым принципиальным образом. Но есть между процедурами моделирования и содержательностью самих моделей и существенное сходство — оно выявляется уже в том, что начинается моделирование с построения гипотезы или «предмодели», являющейся «словесно-смысловым описанием объекта или явления» (Самарский, Михайлов, 2005: 25). Есть и более определенные связи, которые отчетливо проявляются в моделях разных типов, выделенных еще в 1980-е гг. такими авторами, как Р. Пайерлс (Пайерлс, 1983), А. Н. Горбань, Р. Г. Хлебопрос (Горбань, Хлебопрос, 1988). Среди типов математических моделей авторами выделяются: гипотеза, феноменологическая модель, приближение, упрощение, эвристическая модель, аналогия, мысленный эксперимент, демонстрация возможности. Важно, что отдельным типам математических моделей соответствуют и определенные типы моделей культурных.

Гипотеза («так могло бы быть») — один из наиболее часто применяемых типов математического моделирования, к которому Р. Пайерлс (Пайерлс, 1983) относит модель Солнечной системы по Птолемею, модель Коперника (усовершенствованную Кеплером), модель атома Резерфорда, модель Большого взрыва. Основное отличие таких моделей состоит в том, что они открыты для системы доказательств — «у нас всегда есть возможность опровергнуть теорию, но... мы никогда не можем доказать, что она правильна» (Фейнман, 1987: 134).

Основополагающая гипотеза культурологии связана с причинами появления культуры. Очевидно, что культура сформировалась как итог длительной эволюции человека от биологического к социальному существу и появилась только там и тогда, где и когда появляется человек. Сегодня существует целый ряд гипотез, определяющих то, с чем связано формирование в биологической человекоподобной особи социальных и культурных качеств. Наиболее известные из них — креационистская, трансцендентальная, космологическая, игровая, психоаналитическая, эволюционная, орудийно-трудовая, социальная, магическая, символическая. При этом одни из них — к примеру, эволюционная или трудовая — обладают доказательностью эмпирической и выступают уже не как гипотезы, а как концепции, дру-

гие обладают доказательностью умозрительной и выступают в большей степени не в качестве определения содержания культурогенеза, а подчеркивают значение тех или иных факторов в процессах формирования культуры.

Об этом убедительно сказал известный физик Р. Фейнман: «У нас всегда есть возможность опровергнуть теорию, но, обратите внимание, мы никогда не можем доказать, что она правильна. Предположим, что вы выдвинули удачную гипотезу, рассчитали, к чему это ведет, и выяснили, что все ее следствия подтверждаются экспериментально. Значит ли это, что ваша теория правильна? Нет, просто-напросто это значит, что вам не удалось ее опровергнуть» (Фейнман, 2016: 37). Фактически автор сформулировал положение о том, что ни одна гипотеза в науке не может быть доказана раз и навсегда.

Феноменологическая модель — модель второго типа — имеет дело с явлениями, постигаемыми с помощью рефлексии и выступающими в качестве предметов человеческого сознания, будучи не связанными с наличием реального объекта. Эта модель содержит механизм описания явления, недостаточно подтвержденный данными и имеющий статус временного решения. После доказательства верности этой теории экспериментальным путем она переходит в разряд гипотез. Р. Пайерлс в качестве примера приводит кварковую модель элементарных частиц.

Феноменологическая модель (*«ведем себя так, как если бы...»*¹) как тип моделирования широко распространена и в культурологическом знании — хотя подобные альтернативные сценарии развития культуры были представлены уже в трактате Тита Ливия «История Рима от основания города» (35 г. до н. э.) с описанием возможного похода Александра Македонского на Рим в 323 г. до н. э. Этот метод получил интенсивное развитие в рамках постклассической науки, получив название ретропрогнозирования — первые работы подобного содержания появились в середине XIX — XX в. Среди них: сборник рассказов «Об истории событий, никогда не происходивших» (*Of a History of Events Which Have Not Happened*, 1849) И. Дизраэли, эссе «Если бы Наполеон выиграл битву под Ватерлоо» (1907) Дж. Тревелияна, научно-популярный сборник «Если бы это все же случилось» (*If It Had Happened Otherwise*, 1931), среди авторов которого значились Г. К. Честертон и У. Черчилль, а также ряд статей А. Тойнби, опубликованных им в поздний период творчества — в 1950–1960-е гг. («Если бы Александр не умер тогда...», «Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...»). Все эти работы были направлены на решение важной научной проблемы, связанной с многовариантностью возможного течения истории культуры и единственностью ее реального воплощения, хотя в науке к «научно-исторической альтернативе» в течение длительного времени относились негативно, считая ее популярным ответвлением «большой» науки.

Приближение («что-то считаем именно таковым, если отличие от такового пренебрежимо мало») — это модель третьего типа. Примером модели приближения может служить модель идеального газа — такого газа, «молекулы которого рассматриваются как материальные точки, не взаимодействующие друг с другом на расстоянии, но взаимодействующие друг с другом и со стенками сосуда при столкновениях» (Идеальный газ: Электронный ресурс).

В культурологии ярким примером такого типа модели является модель человека-массы. Как известно, это понятие было предложено Х. Ортега-и-Гассетом (Ортега-и-Гассет, 2002), стремящимся отразить те процессы массовизации культуры, которые были яркими в конце XIX — первой трети XX в. Под человеком массы

Х. Ортега-и-Гассет понимал человека без яркой индивидуальности, стремящегося «быть как все», не воспринимающего свою жизнь как долг обществу, но рассматривающего ее «как поле наслаждений», полагающего себя равным всем иным людям согласно демократическим правам и, соответственно, наделяющего себя правом судить обо всех предметах из сферы науки, политики, управления, искусства, это человек «без лица» — «деперсонализированный индивид с неявно выраженным личностным началом» (Костина, 2009: 9).

Упрощение — модель четвертого типа — такая, где не принимаются во внимание отдельные детали. Несмотря на то что частности могут оказать влияние на результат, они принимаются как несущественные. Применение модели упрощения необходимо для того, что облегчить понимание того или иного процесса или явления. Так, А. Бурда, и Г. Бурда полагают: «Путь от микроописания к свойствам тел (или сред), состоящих из большого числа частиц, очень длинен. Приходится отбрасывать многие детали» (Бурда А., Бурда Г., 2015: 34). Примеры: применение модели идеального газа к неидеальному, уравнение состояния Ван-дер-Ваальса, большинство моделей физики твердого тела, жидкостей и ядерной физики (Математическое моделирование: Электронный ресурс).

Метод упрощения является имманентным социально-культурологическому знанию, находя свое воплощение в процедурах типологизации. Типологизация — это и есть модель, содержащая не описание конкретных социокультурных явлений, а их схему-образ, где множество специфических признаков явления игнорируется. Типологизация как метод научного познания направлена на разделение изучаемых объектов на систематизированные кластеры, включающие однокачественные в содержательном смысле объекты. Сама процедура типологизации предполагает, что различия между выделяемыми типами в интересующем исследователя плане носят случайный характер и незначительны по сравнению с аналогичными различиями между объектами, относимыми к разным типам (Абушенко, 2001: 1077). Эта однотипность может определяться как в наблюдаемых признаках — тогда можно говорить об эмпирических типологиях, так и в концептуальных, сущностных критериях — тогда речь может идти о теоретических типологиях. Применение метода типологизации позволило М. Веберу создать концепцию идеальных типов, выступающих как заведомое *упрощение* сложных объектов, и так располагать эмпирический материал, что его конкретные свойства уступили место типичным, «идеальным», что, в свою очередь, позволило рассматривать конкретные культуры не как бесконечный ряд специфических в своих проявлениях феноменов, а как ряд, где есть повторяемые, типические черты, на основании которых формируются группы объектов (идеальные типы), и черты уникальные, специфические, позволяющие говорить об «отклонениях» от идеальных. Такими идеальными типами политического лидерства стали у М. Вебера «бюрократ», «господин», «харизматический лидер».

Эвристическая модель — модель пятого типа — не предполагает количественное и эмпирическое подтверждение, но основана на умозрительном построении объекта или процесса, способствующем более глубокому его постижению. В качестве примера в математике может выступить «приближение средней длины свободного пробега в кинетической теории», дающее «простые формулы для коэффициентов вязкости, диффузии, теплопроводности, согласующиеся с реальностью по порядку величины» (Горбань, Хлебопрос, 1988: 31).

В культурологии в качестве такой эвристической модели можно рассматривать, к примеру, модель О. Шпенглера, основанную на выделении неуловимых и трудно формализуемых составляющих культуры, таких как ее «душа», которая воплощается в ее образе — гештальте. В качестве наиболее ярких О. Шпенглер выделил три культуры, обладающие аполлонистической душой (греко-римская культура), магической душой (арабская культура), фаустовской душой (европейская культура). Воплощением (гештальтом) первой выступает дорический ордер, скульптурное изображение обнаженного тела и храм-периптер. Воплощением второй является купол, который снимает все противоречия, объединяет всё — и рациональность Запада, и средневековую духовность, и телесность Античности. Только в этой культуре могло родиться представление об алхимии, философском камне, магии как средствах изменения бытия. Третья воплощается в образе готического собора, символизирующего высоту устремлений духа, и искусстве фуги — как воплощении рациональности.

Египетскую культуру Шпенглер считал высшим типом, ибо она способна говорить, не прибегая к вербальным способам выражения. Ее прасимвол — путь, а отличительная черта — господство архитектуры. Могучие колонны стоят таким образом, чтоб закрывать просветы и создать иллюзию сплошного монолита. «Египтяне не пишут и не говорят, вместо этого они строят и делают. Неимоверное молчание — это первое, что бросается в глаза. Нет культуры с большей степенью духовной силы. Никакой агоры, никакой болтливой античной общительности, никаких нордических нагромождений литературы и публицистики, одна только объективная и уверенная, само собой разумеющаяся деятельность» (Аверинцев: Электронный ресурс).

Эвристичность модели О. Шпенглера заключается не только в ее умозрительности, но и в ее способности раскрывать многие аспекты, связанные с развитием культур в истории, — одной из таких ситуаций стала ситуация «заката» Европы, вступившей, по Шпенглеру, в стадию своего наивысшего развития — цивилизации, но миновавшей ее и приближающейся к состоянию кризиса, а затем — стагнации.

Наличие сходства по ряду признаков, принимаемых во внимание, свидетельствует об аналогии предметов или явлений. *Модель-аналогия* — шестой тип моделей, где в качестве примера такой модели может рассматриваться история использования аналогий в первой статье Гейзенберга о природе ядерных сил. Р. Пайерлс об этом пишет так: «Это произошло после открытия нейтрона, и хотя сам В. Гейзенберг понимал, что можно описывать ядра состоящими из нейтронов и протонов, он не мог все же избавиться от мысли, что нейтрон должен в конечном счете состоять из протона и электрона. При этом возникала аналогия между взаимодействием в системе нейтрон — протон и взаимодействием атома водорода и протоном. Эта аналогия и привела его к заключению, что должны существовать обменные силы взаимодействия между нейтроном и протоном, которые аналогичны обменным силам в системе $H - H^+$, обусловленным переходом электрона между двумя протонами. <...> Позднее было все-таки доказано существование обменных сил взаимодействия между нейтроном и протоном, хотя ими не исчерпывалось полностью взаимодействие между двумя частицами... Но, следуя все той же аналогии, В. Гейзенберг пришел к заключению об отсутствии ядерных сил взаимодействия между двумя протонами и к постулированию отталкивания между двумя нейтро-

нами. Оба последних вывода находятся в противоречии с данными более поздних исследований» (Пайерлс, 1983: 330).

Модели-анalogии высокоэффективны в культурологии. Достаточно назвать модель, созданную П. Сорокиным — социологом, работавшим в рамках культурологического моделирования.

В концепции П. Сорокина, наиболее полно изложенной его работе «Социальная и культурная динамика», единицу структуризации составляет культурная суперсистема, обладающая специфичной только для нее ценностной системой. Именно совокупность ценностей, на которых зиждется суперсистема, позволила автору выделить три их типа: идеациональный, где система ценностей носит идеальный характер и центрируется вокруг веры и религии; чувствительный или чувственный, где основные ценности связаны с земными благами; идеалистический, представляющий синтез первого и второго типа и основанный на принятии религиозных ценностей, но и не отвергающий принятие земных благ.

К первому типу — идеациональному — тяготеют культуры Индии периода брахманизма, Древнего Китая VIII–VI вв. до н. э., Древней Греции архаического периода, европейского Средневековья V–XII вв. Ко второму — чувствительному — П. Сорокин относит палеолитическую культуру, древнеассирийскую, древнеримскую, европейскую современную (начиная с эпохи Возрождения). Третья суперсистема — идеалистическая — проявляет свои черты в Древней Греции классического периода, раннего Ренессанса XII–XIV вв.

Модель-анalogия удобна тем, что позволяют уподобить отдельные культурные явления только по ряду признаков и некоторых особенностей, что дает возможность находить общие закономерности их развития.

Модель *мысленного эксперимента* — седьмой тип моделей — эффективна в наибольшей степени там, где возможность соотнесенности с реальными объектами мала. Обращение к этой модели привело Эйнштейна к открытию теории относительности. Он предположил, что в классической физике «мы движемся за световой волной со скоростью света», наблюдая «периодически меняющееся в пространстве и постоянное во времени электромагнитное поле», что противоречит уравнениям Максвелла. Соответственно, Эйнштейн заключил: «...либо законы природы меняются при смене системы отсчета, либо скорость света не зависит от системы отсчета» (цит. по: Горбань, Хлебопрос, 1988: 32) — и выбрал второй вариант.

В качестве примера применения модели мысленного эксперимента в границах культурологии можно рассмотреть решение вопроса о причинах отрицания новизны как ценности в традиционной культуре. Для этого поставим мысленный эксперимент и представим, что в ареал проживания одной культурной общности внедрено новое сообщество, обладающее собственными традициями и собственной культурой, не антагонистичное по своей природе и настроенное на установление взаимодействий с культурой-реципиентом. Культура-пришелец обладает собственным содержанием — традициями, обычаями, представлениями, верованиями и т. д. Как будет реагировать культура-реципиент? Конечно, взаимное обогащение идет на пользу обоим сообществам. Однако эти культуры не имеют письменности и передают информацию — т. е. все перечисленное выше — исключительно в устной форме. Объем памяти — даже коллективной — имеет естественные ограничения, и новая информация может не соединиться с базовой, но вытеснить ее, что бу-

дет фактически являться заменой самой культурной матрицы. Именно поэтому все традиционные культуры, которые в своей основе имеют бесписьменную природу, к инновациям относятся отрицательно. Иное дело — культуры письменные, здесь взаимодействие может быть полноценным, так как информация прежняя или базовая не может быть утрачена, ибо она отчуждена от своего носителя и имеет знаковую фиксацию.

Модель восьмого типа — *демонстрации возможностей* — вполне можно рассматривать как разновидность предыдущей модели, с тем лишь различием, что здесь предполагаемое должно точно соотноситься с базовыми принципами и не содержать внутренних противоречий. К такому типу моделей исследователи относят геометрию Лобачевского, который сам называл ее «воображаемой геометрией». В рамках культурфилософии в качестве такой модели можно рассматривать «воображаемые сообщества» Б. Андерсона (Андерсон, 2001), под которыми он понимал нации, представители которых имеют безусловную общность, основанную, однако, не на реальных социальных взаимодействиях, но на общности истории и мифологии, распространяемой через образование, искусство, литературу.

Кроме представленной классификации моделей, специфичной для физики, но возможной для применения и в рамках культурологии, модели можно различать по способу представления объекта как структурные и функциональные — их можно рассматривать как статические и динамические. Структурные модели отражают системные свойства объекта и представляют его во всей совокупности соотношения составляющих его подсистем. Функциональные модели выступают как порядки взаимоотношений по поводу разных сторон жизнедеятельности — производства, потребления, обмена, которые подчиняются жесткой логике социокультурной динамики. Алгоритм их развития задается функциональной природой каждого из основных типов культуры.

Однако культурология чаще всего прибегает к совмещению структурно-типологического и историко-типологического подходов к анализу культуры и, соответственно, структурного и функционального моделирования. Методологическим основанием подобного синтеза является «необходимость рассмотрения процессов развития и культуры, и человека, и истории в их обобщенно-идеальном варианте, абстрагированном от их конкретного воплощения в определенных пространственно-временных границах» (Костина, 2009: 10). Это требует и использования всех основных категорий культурологии в обобщенно-типологическом плане — таких, как культура, традиционная культура, элитарная культура, массовая культура, традиция, творчество, инновация, — познавательные возможности этих понятий позволяют раскрывать содержание объектов исследования, а не их форму (Костина, 2009: 11).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо сделать небольшое отступление, связанное с констатацией того, что моделирование является одним из наиболее характерных для культурологии методов исследования, но отнюдь не единственным. Моделирование обладает большими возможностями эвристического плана и вместе с тем имеет определенные ограничения в исследовательском плане, связанные с тем, что любая модель реальности «носит упрощенный, схематический характер, и ее отождествление с объектом исследования может быть правомерно в определенных

границах. Более того, на одну и ту же картину реальности может отображаться множество различных теоретических схем, благодаря чему осуществляется их объективация, они обретают статус «естественного» выражения сущности изучаемой реальности» (Степин, Огурцов, Мотрошилова и др., 1981: 82). Вместе с тем очевидно, что различные модели культуры отличаются достаточной объективностью, так как отражают реальные процессы развития культуры (Каган, 1991), представленные не в описательном плане, а в плане теоретическом и философском (Костина, Флиер, 2009). В этом своем качестве культурология выступает как наука, одной из задач которой выступает не просто фиксация различных культурных состояний общественных систем и их описание (еще раз подчеркнем, что эта дискриптивность культурологии как раз не свойственна), но попытка рассмотреть возможности формирования моделей этих систем, отражающих их специфику и допускающих прогнозирование направленности их развития.

Обобщая сказанное, отметим, что культурология — наука, выполняющая в современном обществе значительное число гносеологических функций, связанных не только и не столько с описанием различных культурных феноменов, сколько с исследованием закономерностей развития общества. И как наука постклассическая, культурология стремится учитывать многообразие мира и специфику различных культурных миров. Именно культурологические концепции способны раскрыть противоречия современного развития, его специфику, показать те формы, в которых оно воплощается, и их черты, наконец, представить доказательные сценарии развития той или иной социальной ситуации. Этот свой эпистемологический сценарий культурология выполняет весьма успешно, что не позволяет рассматривать ее как подчиненную большим научным нарративам, а свидетельствует о ее полной самостоятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ По аналогии с: «Природа ведет себя так, как если бы существовало то, что мы называем атомом или электричеством, и мы предполагаем, что эти объекты в самом деле существуют. Подобно этому, люди ведут себя так, как если бы существовали психические образы, о которых мы говорили» (Берн, 1991).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абушенко, В. Л. (2001) Типологизация // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ ; Минск : Харвест. Современный литератор. 1312 с. С. 1076–1077.

Аверинцев, С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера. [Электронный ресурс] // Русский путь: pro et contra. URL: <http://russianway.rhga.ru/upload/main/012sh.pdf> (дата обращения: 05.02.2022).

Андерсон, Б. (2001) Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле. 286 с.

Берн, Э. (1991) Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных : пер. с англ. ; авт. предисл. Н. Н. Траугот. СПб. : Изд-во Междунар. фонда истории науки. 424 с.

Бурда, А. Г., Бурда, Г. П. (2015) Моделирование в управлении : учеб. пособие (курс лекций) Краснодар : КубГАУ. 250 с.

Горбань, А. Н., Хлебопрос, Р. Г. (1988) Изготовление моделей // Горбань, А. Н., Хлебопрос, Р. Г. Демон Дарвина: Идея оптимальности и естественный отбор. М. : Наука. Главная редакция физико-математической литературы. 208 с.

- Горбань, А. Н., Хлебопрос, Р. Г. (1988). Демон Дарвина: Идея оптимальности и естественный отбор. М. : Наука. Главная редакция физико-математической литературы. 208 с.
- Давидович, В. Е., Жданов, Ю. А. (1979) Сущность культуры. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета. 264 с.
- Идеальный газ [Электронный ресурс] // Инфофиз — мой мир... URL: <http://infofiz.ru/index.php/mirfiziki/lkf/124-lk18> (дата обращения: 05.01.2022).
- Ильинский, И. М. (2005) ЮНЕСКО: учиться жить вместе // Болонский процесс: взгляд на проблему : сборник материалов для участников IX Всероссийской конференции заведующих кафедрами рекламы, связей с общественностью и смежных дисциплин. 21–23 апреля 2005 г. М.
- Каган, М. С. (1991) Системный подход и гуманитарное знание. Избранные статьи. Л. : Изд-во ЛГУ. 383 с.
- Коммунизм и культура: Закономерности формирования и развития новой культуры (1966) / ред. кол.: А. И. Арнольдов и др. М. : Наука. 427 с.
- Костина, А. В. (2009) Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности : дис. ... д-ра культурологи. М.
- Костина, А. В. (2010) Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М. : Книжный дом «Либроком». 144 с.
- Костина, А. В., Флиер, А. Я. (2009) Три типа культуры — три функциональные стратегии жизнедеятельности [Электронный ресурс] // Вестник ЧГАКИ. № 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-tipa-kultury-tri-funktsionalnye-strategii-zhiznedeyatelnosti> (дата обращения: 05.01.2022).
- Мамардашвили, М. К., Соловьев, Э. Ю., Швырев, В. С. (1972) Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии / ред. Л. Н. Митрохин, Э. Г. Юдин, Н. С. Юлина. М. : Наука. 424 с. С. 28–94.
- Математическое моделирование [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/modelirovaniecom/kartinki/matemticeskoe-modelirovanie> (дата обращения: 05.01.2022).
- Межуев, В. М. (2012) Идея культуры. Очерки по философии культуры. М. : Университетская книга. 403 с.
- Орлова, Э. А. (1994) Введение в социальную и культурную антропологию. М. : Изд-во МГИК. 214 с.
- Ортега-и-Гассет, Х. (2002) Восстание масс / пер. с исп. М. : АСТ. 509 с.
- Основы марксистско-ленинской теории культуры (1976) : учеб. пособие. М. : Высш. школа. 300 с.
- Пайерлс, Р. (1983) Построение физических моделей // Успехи физических наук. Т. 40. Вып. 2. С. 315–332.
- Риккерт, Г. (1997) Границы естественно-научного образования понятий: Логич. введ. в ист. науки / вступ. ст. Б. В. Маркова. СПб. : Наука. 532 с.
- Риккерт, Г. (1998а) Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. М. : Республика. 410 с.
- Риккерт, Г. (1998б) О понятии философии // Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. М. : Республика. 410 с. С. 14–42.
- Риккерт, Г. (1998с) О системе ценностей // Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. М. : Республика. 410 с. С. 365–391.
- Самарский, А. А., Михайлов, А. П. (2005) Математическое моделирование: Идеи. Методы. Примеры. 2-е изд., испр. М. : Физматлит; Вологда : ПФ Полиграфист. 316 с.
- Степин, В. С., Огурцов, А. П., Мотрошилова, Н. В. и др. (1981) Идеалы и нормы научно-го исследования / ред.-сост. В. С. Степин. Минск : Изд-во БГУ. 481 с.
- Теоретическая культурология (2005). М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга; РИК. 624 с.

- Уемов, А. И. (1971) Логические основы метода моделирования. М. : Мысль. 311 с.
- Фейнман, Р. (1987) Характер физических законов. 2-е изд., испр. Вып. 62 серии «Библиотечка Квант». М. : Наука. 160 с.
- Фейнман, Р. (2016) Характер физических законов. М. : АСТ. 256 с.
- Флиер, А. Я. (1998) Культурологические науки // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред., сост. С. Я. Левит. Т. 1. СПб. : Университетская книга. Т. 1. 446 с.
- Шендрик, А. И. (2002) Теория культуры : учеб. пособие для студентов вузов по дисциплине «Культурология». М. : ЮНИТИ : Единство. 519 с.
- Штофф, В. А. (1992) Моделирование и философия. М. 302 с.

Дата поступления: 07.01.2022 г.

*CULTUROLOGY: THE SPECIFICS OF DEVELOPMENT
AND THE SEARCH FOR METHODOLOGY
A. V. KOSTINA
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES*

The author considers the main stages of development of culturology as a science that are attributed to it, and analyses the specific features that separate culturology from other sciences genetically related to it. She also identifies the peculiarities that distinguish this science from all other sciences. The paper presents culturology as a science which not only studies culture, but also possesses its own rather unusual set of tools, whose most significant manifestations are the methodologies of cultural modelling and identifying the factors of cultural dynamics. The author examines culturology as a science corresponding to postclassical epistemology, which also defines both its subject of research and set of tools; she traces the background of this science from neo-Kantians and the philosophy of life to the Soviet researchers of the 1960s—1980s.

Keywords: culture; culturology; postclassical methodology; neo-Kantianism; philosophy of life; sociocultural modelling

REFERENCES

- Abushenko, V. L. (2001) Tipologizatsiia. In: *Vsemirnaia entsiklopediia. Filosofiiia* / ed. and comp. by A. A. Gritsanov. Moscow, AST ; Minsk, Kharvest. Sovremennyi literator. 1312 p. Pp. 1076–1077. (In Russ.).
- Averintsev, S. «Morfologiiia kul'tury» Osva'da Shpenglera. *Russkii put': pro et contra* [online] Available at: <http://russianway.rhga.ru/upload/main/012sh.pdf> (accessed: 05.02.2022). (In Russ.).
- Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmysleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* / transl. from English by V. G. Nikolaev. Moscow, Kanon-Press-Ts : Kuchkovo pole. 286 p. (In Russ.).
- Bern, E. (1991) *Vvedenie v psikhiiatriiu i psikboanaliz dlia neposviashchennykh* / transl. from English and preface by N. N. Traugot. Saint-Petersburg, International Foundation for the History of Science. 424 p. (In Russ.).
- Burda, A. G. and Burda, G. P. (2015) *Modelirovanie v upravlenii : ucheb. posobie (kurs lektsii)*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University. 250 p. (In Russ.).
- Gorban', A. N. and Khlebopros, R. G. (1988) Izgotovlenie modelei. In: Gorban', A. N. and Khlebopros, R. G. *Demon Darvina: Ideia optimal'nosti i estestvennyi otbor*. Moscow, Nauka, The main editorial office of the physical and mathematical literature. 208 p. (In Russ.).
- Gorban', A. N. and Khlebopros, R. G. (1988). *Demon Darvina: Ideia optimal'nosti i estestvennyi otbor. Demon Darvina: Ideia optimal'nosti i estestvennyi otbor*. Moscow, Nauka, The main editorial office of the physical and mathematical literature. 208 p. (In Russ.).
- Davidovich, V. E. and Zhdanov, Iu. A. (1979) *Sushchnost' kul'tury*. Rostov-na-Donu, Rostov University. 264 p. (In Russ.).

Ideal'nyi gaz. *Infofiz* [online] Available at: <http://infofiz.ru/index.php/mirfiziki/lkf/124-lk18> (accessed: 05.01.2022). (In Russ.).

Il'inskii, I. M. (2005) *IuNESKO: uchit'sia zhit' vmeste*. In: *Bolonskii protsess: vzgliad na problemu : sbornik materialov dlia uchastnikov IX Vserossiiskoi konferentsii zaveduiushchikh kafedrami reklamy, svyazei s obschestvennost'iu i smezhnykh distsiplin*. 2005 April 21–23. Moscow. (In Russ.).

Kagan, M. S. (1991) *Sistemnyi podkhod i gumanitarnoe znanie*. In: Kagan, M. S. *Izbrannye stat'i*. Leningrad, Leningrad State University. 383 p. (In Russ.).

Kommunizm i kul'tura: Zakonomernosti formirovaniia i razvitiia novoi kul'tury (1966) / ed. by A. I. Arnol'dov et al. Moscow, Nauka. 427 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2009) *Sootnosbenie i vzaimodeistvie traditsionnoi, elitarnoi i massovoi kul'tur v sotsial'nom prostranstve sovremennosti* : Dis. ... Dr. of Culturology. Moscow. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2010) *Sootnosbenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoi dinamiki*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 144 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. and Flier, A. Ia. (2009) *Tri tipa kul'tury — tri funktsional'nye strategii zhiznedeiatel'nosti*. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 2 (18) [online] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-tipa-kul'tury-tri-funktsionalnye-strategii-zhiznedeiatel'nosti> (accessed: 05.01.2022). (In Russ.).

Mamardashvili, M. K., Solov'ev, E. Iu. and Shvyrev, V. S. (1972) *Klassika i sovremennost': dve epokhi v razvitiu burzhuaznoi filosofii*. In: *Filosofia v sovremennom mire. Filosofii i nauka. Kriticheskie ocherki burzhuaznoi filosofii* / ed. by L. N. Mitrokhin, E. G. Iudin and N. S. Iulina. Moscow, Nauka. 424 p. Pp. 28–94. (In Russ.).

Matematicheskoe modelirovanie [online] Available at: <https://www.sites.google.com/site/modelirovaniecom/kartinki/matematicheskoe-modelirovanie> (accessed: 05.01.2022). (In Russ.).

Mezhuev, V. M. (2012) *Ideia kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury*. Moscow, Universitet-skaia kniga. 403 p. (In Russ.).

Orlova, E. A. (1994) *Vvedenie v sotsial'nuiu i kul'turnuiu antropologiiu*. Moscow, Moscow State Institute of Culture. 214 p. (In Russ.).

Ortega-i-Gasset, Kh. (2002) *Vosstanie mass* / transl. from Spanish. Moscow, AST. 509 p. (In Russ.).

Osnovy marksistsko-leninskoi teorii kul'tury : ucheb. posobie (1976). Moscow, Vysshaya shkola. 300 p. (In Russ.).

Paiers, R. (1983) *Postroenie fizicheskikh modelei. Uspekhi fizicheskikh nauk*, vol. 40, iss. 2, pp. 315–332. (In Russ.).

Rikkert, G. (1997) *Granitsy estestvenno-nauchnogo obrazovaniia poniatii: Logich. vved. v ist. nauki* / intr. article by B. V. Markov. Saint-Petersburg, Nauka. 532 p. (In Russ.).

Rikkert, G. (1998a) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* / transl. from German. Moscow, Respublika. 410 p. (In Russ.).

Rikkert, G. (1998b) *O poniatii filosofii*. In: Rikkert, G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* / transl. from German. Moscow, Respublika. 410 p. Pp. 14–42. (In Russ.).

Rikkert, G. (1998c) *O sisteme tsennostei*. In: Rikkert, G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* / transl. from German. Moscow, Respublika. 410 p. Pp. 365–391. (In Russ.).

Samarskii, A. A. and Mikhailov, A. P. (2005) *Matematicheskoe modelirovanie: Idei. Metody. Primery*. 2nd ed., revised. Moscow, Fizmatliti; Vologda, PF Poligrafist. 316 p. (In Russ.).

Stepin, V. S., Ogurtsov, A. P., Motroshilova, N. V. et al. (1981) *Idealy i normy nauchnogo issledovaniia* / ed.-comp. by V. S. Stepin. Minsk, Belarusian State University. 481 p. (In Russ.).

Teoreticheskaiia kul'turologiia (2005). Moscow, Akademicheskii proekt ; Ekaterinburg, Delovaia kniga; RIK. 624 p. (In Russ.).

Uemov, A. I. (1971) *Logicheskie osnovy metoda modelirovaniia*. Moscow, Mysl'. 311 p. (In Russ.).

Feinman, R. (1987) *Kharakter fizicheskikh zakonov*. 2nd ed., revised. Moscow, Nauka. 160 p. (In Russ.).

- Feinman, R. (2016) *Karakter fizicheskikh zakonov*. Moscow, AST. 256 p. (In Russ.).
- Flier, A. Ia. (1998) Kul'turologicheskie nauki. In: *Kul'turologiia. XX vek : entsiklopediia* / ed.-comp. by S. Ya. Levit. Vol. 1. Saint-Petersburg, Universitetskaia kniga. 446 p. (In Russ.).
- Shendrik, A. I. (2002) *Teoriia kul'tury : ucheb. posobie dlia studentov vuzov po distsipline «Kul'turologiia»*. Moscow, IuNITI : Edinstvo. 519 p. (In Russ.).
- Shtoff, V. A. (1992) *Modelirovanie i filosofii*. Moscow, 302 p. (In Russ.).

Submission date: 07.01.2022.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной, воспитательной и международной деятельности Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (г. Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice-Rector for Research, Education and International Affairs, Moscow University for the Humanities; Member, International Academy of Sciences (Innsbruck, Austria). Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru